

образе как особенности динамических отношений в этом движении?

Жест есть свободное выразительное движение и, представляя почерк как жест, мы отказываемся видеть в изменениях письменной графики какую-либо эволюцию, как развитие чего-то сложного, наделенного некоторой структурой: печать жеста все глубже и глубже вдавливается в письмо, и только. Понимая почерк как рабочее движение, мы можем искать в нем и некоторую динамическую схему, свойственную тому или иному типу письма; при этом индивидуальное своеобразие почерка можно попытаться описать, как конкретную модификацию этой динамической схемы, а изменения в нем, как закономерную эволюцию последней.

На этом пути найдутся, быть может, новые способы описания почерка, этого важнейшего аспекта письма и будут преодолены те трудности (эволюция, трансформация письменной графики), перед которыми останавливается лабораторная техника. Если такой подход оправдается, то определение индивидуальных особенностей почерка обретет свое подлинное основание в истории письма, рассматриваемого в его динамическом аспекте, ибо в каждом почерке мы будем усматривать модификацию определенной динамической схемы с ее возможными сдвигами. Направление этой тенденции, которая была характерна для работавших в те времена, когда происходила эволюция и смена форм письма, может, отчасти разрушена данным писцом.

И. П. МЕДВЕДЕВ

РЕВИЗИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА РУСИ В КОНЦЕ XIV в.

Среди большого числа всевозможных греческих актов и грамот, дошедших до нас в составе подлинного регистра Константинопольского патриархата (cod. Vindob. hist. graec. 48, XIV в.¹), на л. 77 об.—78 об. содержится копия одного чрезвычайно важного во многих отношениях (и прежде всего с точки зрения русско-византийских дипломатических и делопроизводственных связей) патриаршего документа. Речь идет об инструкции (ὑποβιβλίον) патриарха Антония от 29 октября 1393 г. византийским послам, отправлявшимся с важной инспекторской миссией на Русь. Этот документ (как и все прочие, содержащиеся в ре-

¹ Детальный кодикологический, палеографический и дипломатический анализ рукописи впервые осуществлен Даррузесом (Darrouzès J. Le registre synodal du patriarcat byzantin au XIVe siècle. Etude paléographique et diplomatique. Paris, 1971. См. также: Hunger H. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. T. I. Wien, 1961, S. 55.

гистре) был уже давно издан, а затем перепечатан в VI томе «Русской исторической библиотеки».² Тем не менее он почему-то совершенно не привлек к себе внимания исследователей, если не считать двух-трех кратких упоминаний о самом факте посольства.³ А между тем сведения, которые заключены в нем, поистине уникального свойства и явно заслуживают рассмотрения по существу.

Интересен уже сам подбор послов: ими были архиепископ вифлеемский Михаил и придворный чиновник (οἰκτορ) ⁴ византийского императора Мануила II Палеолога Алексей Аарон. Факт весьма показательный для практики византийского посольского дела: послы-апокрисиарии выбраны и посланы на Русь (ἐξελέγητε καὶ ἀπεστάλητε εἰς τὴν Ῥωσίαν) совместно императором и патриархом, проинструктированы устно (ὅσα ἀπὸ στόματος πρὸς ὑμᾶς εἶπομεν), а «для большей надежности» снабжены письменным «наказом». Подобные объединенные «светско-духовные» посольства были отнюдь не редкостью в Византии,⁵ но их гетерогенность, видимо, создалась самими византийцами, так как в нашем случае патриарх специально обратил на это внимание и предостерег апокрисиариев от возможных разногласий. «Говорим и наказываем вам, — гласит ὑποτόκιος, — чтобы вы прежде всего имели

² Miklosich Fr., Müller Jos. Acta et diplomata graeca medii aevi далее — MM). V. II. Vindobonae, 1862, p. 194—197, N 450 (а не 451, как ошибочно указано Даррузесом: Darrouzès J. Op. cit., p. 384); Памятники канонического права. Ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1908 [Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI], с. 283—291, № 42.

³ См.: Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. 2-е изд. М., 1900, с. 316, прим. 2; Gerland E. Das byzantinische Registerwesen. — Archiv für Urkundenforschung, 1933, Bd. 13, S. 32, 34, Anm. 3; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565 bis 1453. Bd. 5. München—Berlin, 1965, N 3241. Особенно удивительно, что этот яркий эпизод в истории русско-византийских отношений никак не отражен в обстоятельных исследованиях Баркера и Даррузеса, посвященных соответственно событиям, происшедшим в царствование императора Мануила II Палеолога (в книге Баркера имя Алексея Аарона даже не упоминается), и деятельности всех служб константинопольского патриархата [Barker J. W. Manuel II Palaeologus (1391—1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick, N. J., 1969; Darrouzès J. Recherches sur les ὑποτόκια de l'église byzantine. Paris, 1970], а также в работах, специально посвященных русско-византийским отношениям в XIV в. (например: Sevcenko I. Russo-byzantine Relations after the Eleventh Century. In: Supplementary Papers Summaries of XIIIth International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966, p. 19—25; Lilienfeld F. v. Russland und Byzanz im 14. und 15. Jahrhundert. — Ibid., p. 25—32; Tinnfeld F. Byzantisch-russische Kirchenpolitik im 14. Jahrhundert. — Byz. Zeitschrift, 1974, Bd. 67, S. 359—384; etc.).

⁴ Об этой категории «вассалов» византийского императора см.: Verreaux J. Les οἰκτοί. Notes d'histoire institutionnelle et sociale. — Revue des études byzantines (далее — REB), 1965, t. 23, p. 89—100.

⁵ Об организации посольского дела в поздней Византии см.: Медведев И. П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи. — Виз. временник, 1972, т. XXXIII, с. 129—139 (с указанием литературы вопроса).

духовное единение и согласие, как мы вас соединили (καθώς ὑμᾶς ἠ-ώσαμεν), и соблюдали бы мир и любовь между собою, о чем мы вам часто наказывали. Ибо ни ты, архиепископ, не должен никогда говорить, что избран мною, патриархом, или что имеешь от меня особую грамоту (γράμμα ἰδίον) или просто какое-то слово, которого не знает Аарон; ни ты, Аарон, [не должен] говорить, что избран и послан высочайшим и священным моим самодержцем и имеешь какое-либо особое его указание (τινὰ ἰδίον ὄρισμόν αὐτοῦ), которого не знает архиепископ вифлеемский; мы вместе, священный император и я, избрали вас и, что имеем сказать через грамоты или устно (διὰ γραμμάτων καὶ ἀπὸ στόματος), передали вам обоим, так что никто из вас не имеет ничего особенного и сокрытого, но все сделано для вас общим и явным. А поскольку вы так соединены нами и не имеете никакой причины для раздора, то вы и должны пребывать в согласии и мире между собою, прежде всего во славу бога и нас, избравших вас для этого дела, потом — и для вашей чести». Послам предписано иметь при себе все грамоты (πάντα τὰ γράμματα ἔχετε ὑμεῖς μεθ' ἑαυτῶν),⁶ а по приезде в Москву сообщая отдать их «преосвященному митрополиту Киева и всея Руси [Киприану] и благороднейшему великому князю (μέγαν ῥήγα⁷) всея Руси [Василию I Дмитриевичу]». Любопытны также конкретные указания о поведении послов во время переговоров в Москве. «Всякий раз, — говорится в инструкции, — как вы увидите их [т. е. митрополита и великого князя, — И. М.], по служебным ли делам, ради которых вы посланы, или просто для беседы как друзья и апокрисиарии, по своему ли желанию, или когда они пригласят вас, оба ли вместе, митрополит и великий князь, или каждый из них особо, — беседуйте с ними оба; но никто из вас порознь ни под каким предлогом пусть не видится ни с великим князем, ни с митрополитом».

Теперь о цели посольства: она была, как это явствует из нашего документа, трудной и сложной. Помимо Москвы, апокрисиариям предстояло посетить еще два крупных политических

⁶ Как явствует из всего последующего текста документа, имеются в виду знаменитое послание патриарха великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу, письма митрополиту Киевскому и всея Руси Киприану, епископу новгородскому Иоанну и новгородскому клиру, архиепископу суздальскому Ефросинию. Текст этих документов также сохранен данным патриаршим регистром; см. соответственно: cod. Vindob. hist. graec. 48, f. 74v—76v (ММ, II, р. 188—192, N 447), 70v (ММ, II, р. 180—181), 70—74v (ММ, II, р. 181—187, N 446), 77—77v (ММ, II, р. 192—194, N 449). Были ли при апокрисиариях, помимо перечисленных писем и инструкций, также «верительные грамоты» (Litterae credulitatis), которыми снабжались обычно византийские послы, сказать трудно; о документах этого типа см.: Dölger F. Regesten, NN 3396, 3355 и др.; Dölger F., Kaḡaуaпopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. Bd. I: Kaiserurkunden. München, 1968, S. 105—107.

⁷ О титуле ῥήξ (rex), которым в византийских и западных источниках наделялись русские князья, см.: Soloviev A. V. «Reges» et «Regnum Russiae» au moyen âge. — Byzantion, 1966, t. 36, p. 144—173.

центра на Руси — Великий Новгород и Суздаль, с тем, чтобы в первом случае помирить новгородцев с митрополитом Киевским и всея Руси Киприаном (ссора возникла по поводу апелляционного суда в связи с нежеланием новгородцев судиться у митрополита) и во втором случае — произвести доскональное расследование и вынести свое решение относительно двух русских местечек — (Нижнего) Новгорода и Городца, права на которые оспаривались митрополией и суздальским архиепископством. В данной статье мы отнюдь не задаемся целью входить во все детали и хитросплетения древнерусской церковной истории.⁸ Нас интересует нечто совсем иное, а именно — сам механизм расследования, факт широкой проверки документов, выданных византийским правительством и константинопольским патриархатом русским светским и церковным властям, т. е. те вопросы, которые имеют особое значение именно с точки зрения вспомогательных исторических дисциплин, в частности дипломатики и делопроизводства.

По приезде в Великий Новгород (*εἰς τὸ μέγα Νοβογράτιον*) послам было предписано выступить на общей «сходке» (*σύναξις*, именно этим термином обозначено здесь новгородское вече), в присутствии тамошнего епископа, бояр (*τῶν ἀρχόντων τῶν ἐκεῖ*) и всего остального народа, и «сначала на словах разъяснить им, как для их душевной пользы мы послали вас к ним в столь далекий и опасный путь, как мы скорбим о том, что такое множество христиан отделилось от церкви христовой». После этого послы должны были передать новгородцам адресованные им византийские императорские и синодальные грамоты (*τὰ βασιλικά καὶ τὰ συνοδικὰ γράμματα*), но сперва — те, что были изготовлены еще до прихода в Константинополь посла новгородцев Кирика, а уж потом — составленные после его отъезда. Грамоты должны были быть всенародно (*παρρησία*) зачитаны и заслушаны с тем, чтобы новгородцы «отвратились от своего заблуждения и злонамеренности, приняли своего митрополита и покорились ему согласно древнему обычаю». С другой стороны, послам предлагалось принять грамоты или послы от самих новгородцев, «если они пожелают их послать или для получения благословения..., или по какой-нибудь другой нужде», а если обнаружится, как об этом «устно говорил» во время своего пребывания в Константинополе новгородский посланец Кирик, что у новгородцев имеются византийские императорские хрисовулы и грамоты, то снять с них точные, «слово в слово», копии (*τὰ ἴσα ἀπολεξεί*) и доставить их в Константинополь.

Еще более детальное задание было получено послами в отношении спорного вопроса о Нижнем Новгороде и Городце. Обстоятельно изложив существо дела, инструкция предписывает послам

⁸ См. об этих сюжетах: Голубинский Е. История русской церкви, т. II, с. 306 и сл.

потребовать (ζητήσατε) в присутствии обеих сторон, т. е. митрополита Киприана и архиепископа суздальского Ефросиния, пожалованные им раньше императорские и патриаршие грамоты. Если по прочтении этих грамот послы найдут, что они были даны по иску (ἐξ ἀναφορᾶς) суздальского архиепископа о принадлежности указанных городов его церкви и по жалобе на притязания митрополита, то послы должны потребовать, чтобы суздальский архиепископ представил или грамоты, или свидетелей, или какие-то другие доказательства, которые бы подтвердили истинность его иска, причем свидетели предварительно должны были принять от архиепископа вифлеемского письменное предупреждение с угрозой отлучения за ложные показания (βᾶρος ἀφορισμὸς ἐγγράφως). В случае, если архиепископ суздальский представит все это, инструкция предписывала решить дело в его пользу, т. е. закрепить за Суздалем спорные местечки, если же архиепископ не сможет доказать своих прав, то послам (по существу, скорее судьям) вменялось в обязанность забрать все имевшиеся у него грамоты и доставить в Константинополь, а всю церковную власть над указанными городами передать митрополиту с тем, чтобы «он имел их в качестве своего прихода, как это было раньше». Предусматривалась, правда, и еще одна возможность: грамоты суздальскому архиепископу могли быть выданы в свое время императором не в результате возбужденного против митрополита иска, а по обычной просьбе суздальского епископа пожаловать ему города, принадлежащие митрополии, вследствие чего они и были отчислены от митрополии и приданы суздальской церкви. В таком случае грамоты должны были сохранить свою силу и крепость (τὸ ἄβροσ καὶ βέβαιον), а архиепископ укреплялся в своих правах удерживать в этих городах свою церковную власть. Однако и в этом случае послам предписывалось снять с грамот дословные копии и доставить их в Константинополь.

Эти положения инструкции повторены в грамоте патриарха Антония к суздальскому архиепископу, также дошедшей в составе данного регистра (л. 77—77 об.) и являющейся, очевидно, одной из тех грамот, которые везли с собой византийские послы.⁹ Здесь также подробно изложена вся история спора архиепископа и митрополита о Нижнем Новгороде и Городце и прямо указано, что византийские апокрисиарии посланы для того, чтобы расследовать это дело (ἵνα ἐξετάσωσι τὸ περὶ τούτου). Патриарх просит

⁹ ММ, II, р. 192—194, № 449; РИБ, VI, с. 277—282, № 41. Грамота сохранилась без даты. Миклошич отнес ее к 1396 г. (см.: ММ, II, р. 581), но, как убедительно отметили издатели РИБ, из содержания видно, что она написана в одно время с вышеупомянутой инструкцией. Аналогичного мнения придерживается Даррузес, считающий, что все письма, которые Михаил Вифлеемский и Алексей Аарон везли с собой на Русь (т. е. уже упомянутые письма Новгороду, митрополиту Киева и всея Руси Киприану, великому князю Московскому Василию I Дмитриевичу и архиепископу Суздальскому Ефросинию), были составлены в период с июля по октябрь 1393 г. (См.: Darrouzès J. Le registre synodal, p. 73, 384).

архиепископа беспрепятственно передать апокрисиариям всю документацию, относящуюся к делу, все грамоты, полученные в свое время им и его посланцем в Константинополе старцем Дионисием от византийского императора и патриарха. «Если ты докажешь, — пишет патриарх епископу, — свои права апокрисиариям или посредством других древних и достоверных грамот (διὰ γραμμάτων ἄλλων παλαιῶν καὶ ἀξιόπιστων), или посредством свидетельства честных людей и почтенных старцев, то ваш иск будет признан правильным и наши грамоты, которые ты имеешь, должны иметь силу и нерушимость; если же не докажешь этого, а преосвященный митрополит киевский и всея Руси докажет истинность того, что он утверждает..., то грамоты, сохраняя свою подлинность и тем самым свою честь (τὴν οἰκείαν ἔχοντα καὶ οὕτω τιμῆν), окажутся в таком же положении, как если бы их вообще не было, ибо они родились вследствие ложного иска». Замечание с точки зрения дипломатики весьма важное, так как предостерегает нас от поспешных выводов о подлинности того или иного документа: документы, обладающие всеми признаками подлинности, могут, оказывается, при известных обстоятельствах быть признаны недействительными; не имеющими *fidem publicam*.

В связи с изложенными фактами встает еще один немаловажный вопрос: зачем в Константинополе понадобились точные копии документов, выданных на Русь императорской и патриаршей канцеляриями? Казалось бы, такие копии должны были иметься в самом Константинополе. Правда, к XIV в. та четкая система регистрации выдаваемых императорской канцелярией документов, которую мы наблюдаем в предшествующие века истории Византии, как будто сошла на нет.¹⁰ Но изготовление так называемых канцелярских копий, т. е. копий, изготовлявшихся самой императорской канцелярией одновременно с оригиналом документа и являвшихся по содержанию и по форме точными воспроизведениями оригинала (за исключением, разумеется, подписи императора, ибо в противном случае копия превратилась бы в оригинал), в принципе было обязательным всегда.¹¹ Что же касается патри-

¹⁰ Ср.: Gerland E. Das byzantinische Registerwesen, S. 33.

¹¹ Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre, S. 130. Следует отметить возросшую в поздней Византии роль копии: если в ранневизантийское время копии публичных документов, согласно закону, не могли быть представлены в суд, требовался только оригинал, то с течением времени копии стали признаваться в качестве имеющего законную силу средства доказательства. Однако в отличие от частного акта, который мог быть изготовлен в нескольких экземплярах, каждый из которых был оригиналом (см.: Kübler B. Ἴσον καὶ ἀντίγραφον. — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung, 1933, Bd. 53, S. 64—98), публичный акт (напр., документ, исходивший из императорской канцелярии) выпускался только в одном экземпляре. Изготовление копий при такой практике, казалось бы, должно было быть просто необходимым. См.: Медведев И. П. Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. [Т.] III. Л., 1970, с. 365.

аршей канцелярии, то именно в поздневизантийское время и в особенности в XIV в. мы наблюдаем заметное расширение практики регистрирования (в юридическом значении этого термина). Если раньше краткие записи о выпущенной документации делались скорее для учета последней, то сейчас, по оценке Герланда, патриаршие регистры приобретают характер нотариальных регистров: внесение в регистрационную книгу явно заменяло выданный документ.¹² Любопытно также отметить, что в «священном кодексе Великой Церкви» (так именовались регистры, которые велись канцелярией патриарха) регистрировались и документы, выдаваемые императорской канцелярией и относящиеся к церковной и монастырской собственности, благодаря чему как раз и сохранился текст многих императорских хрисовулов, оригиналы которых были утеряны.¹³ Создается впечатление, что прекращение регистрации светскими властями документов, исходящих из императорской канцелярии, связано именно с этим фактом переноса некоторых функций императорской канцелярии на канцелярию патриархата.¹⁴ Следует добавить к этому, что последняя отнюдь не ограничивалась фиксацией исходящей документации только через регистры: предполагалось и изготовление копий, как выдаваемых получателю документа, так и откладываемых на хранение в самой канцелярии.

Конечно, нарисованная только что картина делопроизводства в Византии является лишь весьма приблизительной «принципиальной схемой», которая на практике очень часто нарушалась. По словам Герланда, точность регистрации почти целиком зависела от произвола соответствующего должностного лица, как правило хартофилака. «Халатность, — говорит он, — приводила к утрате значительной части документации. В этих условиях у получателей документов уже рано должно было возникнуть желание спасти путем надлежащих мер дословный текст находившихся в их архивах документов».¹⁵ Даррузес, также исследовавший этот вопрос, считает, что императорская и патриаршая канцелярии,

¹² Gerland E. Das byzantinische Registerwesen, S. 32; Darrouzès J. Recherches sur les *εφφιλια*, p. 463.

¹³ Darrouzès J. Op. cit., p. 461. Иногда это даже сбивает с толку. Так, копии хрисовулов императора Иоанна VI Кантакузина (см. прим. 17 на с. 324 настоящей работы), сделанные в середине XIX в. А. А. Шифнером с рукописи патриаршего регистра (cod. Vindob. hist. graec. 47. Ср.: Hunger H. Katalog, t. I, S. 55), обозначены в каталоге И. Н. Лебедевой как «Акты Константинопольского патриархата» (см.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 5. Греческие рукописи. Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973, с. 214).

¹⁴ В этом смысле очень показателен приведенный Герландом пример, относящийся, правда, к несколько более раннему времени: император Михаил VIII Палеолог приказал, чтобы выданная Феодору Скутариоту жалованная грамота была внесена в регистрационные списки, которые вел хартофилак Великой Церкви (MM, V, 249. Ср.: Gerland E. Das byzantinische Registerwesen, S. 34).

¹⁵ Gerland E. Op. cit., S. 38.

выдав единственный экземпляр-оригинал документа, становившийся отныне личным достоянием получателя, вообще не имели средств в случае надобности вновь воспроизвести текст документа,¹⁶ т. е. создать неооригинал (*renovatio*), — вывод, который нам лично кажется несколько преувеличенным. Тем не менее, Герланд, имея в виду указанный выше факт снятия копий с византийских документов, циркулировавших на Руси,¹⁷ имел, по-видимому, достаточные основания для того, чтобы предположить, что виновно в этом было плохо поставленное дело регистрации. «Значит, — говорит он, — при выпуске императорских привилегий не было изготовлено дубликатов или же они были со временем утеряны». Последнее кажется Герланду более вероятным.¹⁸

Действительно, сама инструкция, данная патриархом архиепископу вифлеемскому и Алексею Аарону, как будто дает основания для такого умозаключения. Так, предлагая апокрисиариям снять копии с новгородских грамот, патриарх подчеркивает: «если они имеют хрисовулы и грамоты, как заявлял здесь устно Кирик» (*ὡς ὁ Κίρικος εἶπεν ἐνταῦθα ἀπὸ στόματος*); тем самым он обнаруживает свою полную неосведомленность относительно того, какими документами могли располагать новгородцы. Но что касается Суздаля, то здесь дело обстоит несколько по-иному. Уже в инструкции, предлагая апокрисиариям потребовать от суздальского архиепископа грамоты, подтверждающие его права на Нижний Новгород и Городец, патриарх оговаривается: «ибо и мы вспоминаем (*ἐνδιμνήσθημεν γάρ καὶ ἡμεῖς*), что он искал их (т. е. города, — *И. М.*) в качестве прихода своей церкви и таким образом получил в отношении их грамоты». Еще более определенно вы-

¹⁶ Dagrouzès J. Op. cit., p. 463.

¹⁷ Вопрос о византийских документах, выданных на Русь, вообще нуждается в специальном освещении. Стоит, например, подумать о создании особого критического, аналитического и библиографического каталога (типа дельгеровских «Регест») всех дошедших до нас (а также не дошедших, но упомянутых в каких-либо источниках) византийских и поствизантийских греческих актов, выданных русским получателям. То, что таких документов было великое множество, можно сказать а priori, ибо это диктовалось самим характером отношений между Византией и Русью, принадлежностью последней к юрисдикции константинопольского патриарха и вхождением ее в «византийскую систему государств и народов». [См. об этом: Медведев И. П. Империя и суверенитет в средние века. (На примере истории Византии и некоторых сопредельных государств). — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти акад. Е. В. Тарле. Л., 1972, с. 412—424]. Следует также отметить, что особенно интенсивным этот поток документов из Византии на Русь был, как нам кажется, в XIV в., когда в связи с вспыхнувшей в Византии исихастскими спорами и победой исихастов политика Византии в отношении отдельных русских княжеств претерпела изменения. Так, до нас дошли тексты (опять-таки благодаря патриаршему регистру) целого ряда хрисовулов императора Иоанна VI Кантакузина, адресованные русским князьям и иерархам русской церкви (см.: ММ, I, p. 268, № 120; p. 265—266, № 119; p. 261—262, № 117; p. 263—265, № 118; см. также: Dölger F. Regesten, NN 2925, 2926, 2927, 2928, 2929).

¹⁸ Gerland E. Das byzantinische Registerwesen, S. 32.

ражается патриарх в письме к самому архиепископу Ефросинию. Побуждая того беспрепятственно выдать апокрисиариям все требуемые документы, он дает понять, что знает о существовании таковых: «как мы помним и находим в священном кодексе Великой Церкви» (*καθὼς καὶ ἡμεῖς μεμνημένα, καὶ ἐν τῷ ἱερῷ κώδικι . . . εὐρίσκόμεν*), — говорит он. Итак, в регистре патриархата были уже зарегистрированы и, очевидно, скопированы документы, подтверждающие права Суздаля на оспариваемые города, и тем не менее патриарх требует от апокрисиариев, чтобы они сняли дословные копии с оригиналов этих документов и доставили их в Константинополь. Это уже заставляет нас сделать существенную поправку к умозаключению Герланда:¹⁹ речь, очевидно, могла идти о том, чтобы произвести сличение текста документов, находящихся в руках получателей, с текстом этих же документов, но уже скопированных в регистре патриархата, т. е. в конечном счете произвести экспертизу подлинности документов. Была ли эта работа проделана в полном объеме, сказать трудно, но и приведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с фактом широкой проверки византийских документов на Руси, с фактом, который лишний раз весьма красноречиво говорит о теснейших узах, связывавших средневековую Русь с Византийской империей.

Л. Г. КАТУШКИНА

ТЕРМИН «КОНСУЛЬ»
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ИТАЛИИ XV в.

«Ambassiator est legatus principis
in arduis negotiis».

(Alberico de Rosante.
Vocabularius, a. 1350, p. XII).

Тот факт, что именно Италии (а в Италии—Венеции) принадлежит авторское свидетельство на создание одного из основных инструментов межгосударственных отношений — «современной»

¹⁹ В поисках объяснения причин этого интересного факта (снятия копий) Герланд высказывает и другое соображение: снятие в России копий с императорских документов, полагает он, связано с реформой в области византийской дипломатии. Он имеет при этом в виду известный указ императора Мануила II Палеолога и патриарха Антония от 12 июня 1394 г. о том, чтобы впредь в их документах при датировке указывались не только месяц и индикт, но также день, месяц и год (MM, II, p. 214—215, № 462). Этот указ был подкреплен синодальным определением (*ibid.*, p. 215, N 468; ср.: Gerland E. *Op. cit.*, S. 34, Anm. 3). Нам подобное объяснение кажется несостоятельным хотя бы потому, что указанная реформа была осуществлена значительно позднее нашего события и по своему смыслу никак не могла быть связана с ним.